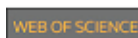

Кузьмина Е. Н. Сказитель и эпическая традиция : улигеры Буры Барнакова / Е. Н. Кузьмина // Научный диалог. — 2020. — № 6. — С. 283—301. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-6-283-301.

Kuzmina, E. N. (2020). Narrator and Epic Tradition: Uligers of Bura Barnakov. *Nauchnyi dialog*, 6: 283-301. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-6-283-301. (In Russ.).

УДК 398.224(=512.3)

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-6-283-301

СКАЗИТЕЛЬ И ЭПИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ: УЛИГЕРЫ БУРЫ БАРНАКОВА

© Кузьмина Евгения Николаевна (2020), orcid.org/0000-0002-7389-7811, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора фольклора народов Сибири, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия) (Новосибирск, Россия), kuzmina.evgenia2010@yandex.ru.

Статья посвящена исследованию героических сказаний бурят-улигеров, исполненных Б. Барнаковым. Особое внимание уделяется репертуару этого сказителя и рассматривается вопрос о сохранности в них сюжетного строя произведений и сказительской памяти в условиях угасания эпической традиции, когда уже исчезли эпическая среда и регулярное исполнительство. В статье представлены результаты сопоставительного анализа сюжетов сказаний и их поэтики. Актуальность и новизна исследования обусловлены тем, что сказания Б. Барнакова ещё не попадали в исследовательское поле и не становились предметом специального изучения. Кроме этого, включение одного из текстов для публикации в серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» делает актуальным всестороннее исследование творческого наследия улигершина. Особое внимание автор уделяет стереотипам в этих сказаниях, выделяя интертекстуальные и ситуативные «общие места». Делается заключение о том, что сохранность сказительской памяти и полноценность репертуара улигершина в условиях отсутствия естественной эпической среды говорит об инерционной стабильности эпической традиции, обусловленной сакральной природой героического эпоса.

Ключевые слова: героические сказания бурят; эпические сюжеты; стереотипы эпоса; сказитель Б. Барнаков; серия «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока».

1. Введение

В 1981 году Бюро редакционно-издательского совета Академии наук СССР и Сибирское отделение Академии наук СССР приняли решение об издании академической серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» в 60-ти томах, в которой фольклорные образцы должны были быть представлены на национальных языках с параллельным

переводом их на русский язык. Впервые в научно-издательской практике планировалось показать фольклор в его живом бытовании, и для этого публикуемые произведения должны были сопровождаться звуковым приложением в виде грампластинок. Для научно-координационной работы по подготовке Серии был организован в 1983 году сектор фольклора народов Сибири, который ныне находится в составе Института филологии Сибирского отделения РАН. После длительной подготовительной работы, связанной с решением целого ряда полиграфических, шрифтовых, технических и научных вопросов, началась публикация с 1990 года первых томов Серии, которые сразу получили признание в научных кругах. С того времени выход в свет очередных книг становится ожидаемым событием для всех, кто интересуется традиционной культурой, фольклором, языком и народной музыкой этносов Сибири.

Первые девять томов Серии, изданные с 1990 по 1995 годы, появились без номеров. По предложению учёного-фольклориста из Израиля Хеды Ясон, с 10-го тома началась нумерация книг. На сегодня вышло в свет 34 тома, в которых опубликованы фольклорные произведения крупных жанров алтайцев, бурят, долган, манси, нанайцев, ненцев, русских, тувинцев, удэгейцев, хакасов, шорцев, якутов. Каждая книга Серии сопровождается звуковым приложением в виде грампластинки, а с 1996 года — компакт-диском, на которых записаны образцы в исполнении талантливых сказителей, сказочников, песенников обширного сибирско-дальневосточного края. Каждому фольклорному жанру отведены один или два тома, например, героический эпос у якутов представлен в двух томах, бурятские сказания также будут опубликованы в двух томах, сказки бурят и русских изданы двумя книгами. В зависимости от имеющихся коллекций записей фольклора, возможности или невозможности добрать новый современный материал в аудио- и видеозаписях рассчитывается объём и количество томов. Где невозможно представить все жанры фольклора в силу их отсутствия или угасания, готовятся и издаются однотомники, в которые помещаются сохранившиеся фольклорные образцы, например: «Фольклор удэгейцев» (1998 г., т. 18), «Фольклор долган» (2000 г., т. 19), «Фольклор ненцев» (2001 г., т. 23), «Фольклор юкагиров» (2005 г., т. 25), «Фольклор шорцев» (2010 г., т. 29) и т. д. Для наполнения звукового приложения привлекаются материалы архивных фонотек и современные экспедиционные записи, которые собираются в фольклорно-этнографических экспедициях сотрудниками сектора фольклора народов Сибири совместно с авторскими коллективами очередных томов, готовящихся к печати.

2. Фольклор бурят в сибирской серии

Каждый национальный фольклорный корпус включает в себя определенное количество планируемых томов. Так, например, изначально было запланировано включить в состав Серии семь томов фольклора бурят, представляющих крупные жанры: героический эпос (2), сказки (2), обрядовый фольклор (1), песни (1), несказочная проза (1). Из них на сегодня опубликовано три тома: «Бурятский героический эпос «Аламжи Мэргэн молодой и его сестрица Агуй Гохон» [Бурятский героический ..., 1991], «Бурятские волшебные сказки» [Бурятские волшебные ..., 1993], «Бурятские народные сказки: О животных. Бытовые» [Бурятские народные ..., 2000].

В бурятской фольклористике так сложилось, что в силу отсутствия в период её становления научной методики повторных записей большой массив записанных текстов сохранён в единичной фиксации, и теперь нет возможности анализа разновременных записей, которые показали бы жизнь фольклора во времени. Вплоть до 1960-х годов не было технических возможностей фиксировать живое звучание героического эпоса, поэтому тексты записывались собирателями от руки под диктовку, хотя традиционно при устном исполнении сказания исполнялись речитативом или пением, часто в сопровождении музыкального смычкового двухструнного инструмента — *морин хуур*, на котором подыгрывал себе сам исполнитель.

Тем не менее собранные коллекции рукописных фольклорных материалов свидетельствуют о былой богатейшей эпической традиции. В бурятском эпосоведении принято делить сказания на циклы (эхирит-булагатский, унгинский и хоринский), которые различаются по своим стадийным признакам, от более древних к поздним, отражающим стадию разложения эпоса. В своей классической форме эпика хорошо сохранилась вплоть до первой четверти XX века на территории Прибайкалья в эхирит-булагатских и унгинских текстах и стала известна науке как западно-бурятская эпическая традиция.

Героический эпос, как и отдельное эпическое произведение, у бурят называется улигер (*ульгэр*), а исполнители сказаний — улигерщинами (*ульгэришэ*). С конца XIX века и вплоть до 50-х годов XX века на всей территории Прибайкалья и Забайкалья велись записи героического эпоса. В накопление фонда записей улигерных текстов внесли свой неоценимый вклад Ц. Ж. Жамцарано, Б. Барадийн, А. К. Богданов, Г. Д. Санжеев. Позже, с сороковых годов XX века, активными собирателями стали учёные С. П. Балдаев, И. Н. Мадасон, М. П. Хомонов, а также фольклорный фонд стал активно пополняться многочисленными записями собирателей-энтузиастов и краеведов.

Поскольку в Серии одним из принципов является показ живой традиции, то усилия авторских коллективов направляются на поиски звукозаписей текстов, зафиксированных в период активного бытования фольклорных произведений. Но ситуация в Сибири была такова, что на ту пору не было технических звукозаписывающих средств и научных кадров, которые вели бы планомерную работу по фиксации традиционного фольклора. В этом отношении бурятское эпосоведение тоже не стало исключением. Оно на сегодня располагает немногими магнитофонными записями фольклорных образцов, которые были сделаны начиная лишь с 60-х годов XX века. Все эти записи учитываются, расшифровываются с магнитных лент, оцифровываются и используются в томах Серии как достоверный базовый материал.

В связи с подготовкой второго тома героического эпоса бурят, в корпус которого включаются два текста сказаний: «Осодор Мэргэн» («Осоодор Мэргэн») [ЦВРК, ф. 36, оп. 1, д. 231] и «Тохонойн Ганса Толэн» («Тохонойн Ганса Төлэн») [ЦВРК, ф. 23, оп. 1, д. 32], относящиеся к унгинскому и эхирит-булагатскому циклам соответственно, началась текстологическая работа автора этих строк по исследованию названных сказаний. Выбор именно этих текстов был обусловлен тем, что улигер «Осодор Мэргэн» представляет собой вербальный классический образец записей под диктовку, а второй текст «Тохонойн Ганса Толэн» имеет аудиозапись, что для нас представляет особый интерес, поскольку в бурятском эпосоведении магнитофонных фиксаций ничтожно мало. В Центре восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН хранятся аудиозаписи текстов в исполнении сказителя Буры Барнакова (1884—1966), зафиксированные М. П. Хомоновым в начале 1960-х годов (в предисловии к расшифрованным текстам собиратель указывает 1962 и 1963 годы). Там же М. П. Хомонов приводит краткие сведения об улигершине. Б. Барнаков, — пишет он, — «был потомственным сказителем, начиная с прапрадеда по отцовской линии, также улигершинами были его дядя и одноулустики, т. е. он родился и развивался в традиционной сказительской среде и потому очень рано, с 12 лет, начал сказывать эпос». Далее М. П. Хомонов пишет, что «основную часть улигерного репертуара он воспринял от своего отца. Б. Барнаков знал восемь улигеров, исполнил на запись шесть улигеров...», и далее: «Б. Барнаков не “рассказывал”, а пел улигеры. Он пел, переходя иногда на речитатив. В ходе исполнения он не делает паузы, лишь иногда, примерно раз через полтора часа, прерывает пение, чтобы передохнуть, попить воды и покурить. Бура Барнаков был известным, крупным знатоком улигеров» (из

Предисловия к тексту улигера «Нарин Хүзүүн Гүлдэмэй») [ЦВРК, ф. 23, оп. 1, д. 33].

При ближайшем изучении этих фонозаписей оказалось, что из шести текстов четыре действительно представляют героические сказания, а два текста относятся к богатырским сказкам, которые в своей структуре сохранили стилистику героического эпоса. Надо сказать, что все шесть аудиозаписей М. П. Хомонов расшифровал и сделал вольные переводы к трём сказаниям: «Найтал Мэргэн» [ЦВРК, ф. 23, оп. 1, д. 36], «Арбан табан наһанда үтэлһэн Гургалдай» [ЦВРК, ф. 23, оп. 1, д. 31], «Нарин Хүзүүн Гүлдэмэй» [ЦВРК, ф. 23, оп. 1, д. 33]. Две богатырские сказки: «Эрхэбшэ Мэргэн хүбүүн» [ЦВРК, ф. 23, оп. 1, д. 35] и «Үрбөөни гурбан басаган» [ЦВРК, ф. 23, оп. 1, д. 37], а также улигер «Тохонойн Ганса Төлэн» [ЦВРК, ф. 23, оп. 1, д. 32] остались без перевода.

Возникают закономерные вопросы, в какой степени сохраняются язык и стилистика эпоса в сказаниях уже угасающего периода эпической традиции, как ведёт себя сказительская память, когда практически прекращается устное сказывание, и насколько устойчивы эпические стереотипы у сказителя, не практикующего исполнительство в естественной среде? Ответить на эти вопросы попытаемся через исследование эпических формул и типических мест, называемых иначе «общие места», которые мы относим к стереотипам эпоса. Они пронизывают внутреннюю структуру поэтической ткани улигеров, и их сохранность напрямую связывается с состоянием эпической традиции. Основное внимание будет сосредоточено на исследуемом сказании «Тохонойн Ганса Толэн». Изучение будет проводиться путём сравнительно-сопоставительного анализа стереотипов сказаний Б. Барнакова с другими общеэпическими стереотипами из этой же западно-бурятской эпической традиции, а также через сравнение сюжетов произведений между собой из репертуара этого сказителя.

Наличие аудиозаписи сказания «Тохонойн Ганса Толэн» повышает ценность этого сказания как достоверного источника и возможность его переложения в нотной записи. Этномузыковед О. В. Новикова впервые в бурятском эпосоведении и музыкальной культуре Бурятии представит в этом томе нотную расшифровку этого улигера от начала и до конца. Практика сплошного нотирования героических сказаний впервые успешно была применена в Серии в томах «Шорские героические сказания» [Шорские ..., 1998, т. 17] и «Фольклор шорцев» [Фольклор ..., 2010, т. 29] этномузыковедами Р. Б. Назаренко и Г. Б. Сыченко и стала новым словом в мировом эпосоведении.

3. Сюжеты улигеров Б. Барнакова

В анализе фольклорных произведений применимы приёмы, методы и термины, используемые по отношению к литературным произведениям. Так, например, в композиционном строении героических сказаний в экспозиции (в литературном произведении — пролог) мы наблюдаем запевы и зачины, а в эпилоге — концовку. Традиционные зачины тюрко-монгольского героического эпоса повествуют о времени первотворения, описание которого может быть по объёму обширным или сжатым.

В сказании «Тохонойн Ганса Төлэн» («Тохонойн Ганса Толэн», 2002 стих. стк.) [ЦВРК, ф. 23, оп. 1, д. 32], названном по имени героя, развёртывается традиционная древняя тема героической женитьбы богатыря. *З а ч и н а* как такового нет, есть лишь две строки, которые указывают на давность происходивших событий, когда появился богатырь: «В давнюю давность / в благодатное светлое время» — *Уряанай-ханай н-уряанай / Урин сагаан сагта*. *З а в я з к о й* становится решение о женитьбе. *Р а з в и т и е д е й с т в и я* — после недолгих сборов Тохонойн Ганса Толэн отправляется в далёкую поездку к соседнему хану, чтобы отобрать у него красавицу-жену (!). Хана он губит, красавица скрывается от него, на обратном пути домой богатырь встречает незнакомца, с которым случился поединок, в результате они оказываются братьями. Встреченный брат сообщает богатырю о его истинной суженой Небесной деве, на поиски которой Тохонойн Ганса Толэн и отправляется. Ему удаётся жениться на ней, но тут в действие вступает коварная мангадхайка-чудовище, которая ищет жену для Харжа Минаа, сына другого хана. Образы мангадхаев являются в эпосе очень древними. Это зооантропоморфные многоголовые чудовища, олицетворяющие собой всё мировое зло. Прародительницей у них является древняя старуха, у которой хранятся души этих чудовищ. Победа над ней символизирует собой искоренение зла на земле.

К у л ь м и н а ц и е й является описание, как обманом и коварством мангадхайке удаётся погубить богатыря и заполучить Небесную деву. Далее сюжетное действие движется к *р а з в я з к е*: зло должно быть наказуемо. Пока запертая в железном амбаре Небесная дева, не соглашающаяся на брак с ненавистным Харжа Минаа, страдает от ежедневных мучений, которым она подвергается, старший брат богатыря узнаёт о гибели младшего, отправляется на его поиски, находит останки и чудесными средствами оживляет его. Вдвоём после долгих действий они расправляются и с мангадхайкой, и с Харжа Минаа. После всего этого старший брат отправляется к останкам хана, некогда убиенного младшим Тохонойн Ганса Толэнном из-за его красавицы-жены, оживляет его, они становятся побратимами и

разъезжаются в разные стороны. Концовка: у Тохонойн Ганса Толэна с Небесной девой рождаются двое сыновей, он их обустроивает неподалёку от себя, и все живут счастливо.

Во втором сказании «Найтал Мэргэн» (1358 стих. стк.) [ЦВРК, ф. 23, оп. 1, д. 36] прослеживается та же традиционная тема героической женитьбы, что и в «Тохонойн Ганса Толэн». Экспозиция улигера включает две схожие с зачином «Тохонойн...» строки о давности событий и подробное описание удачной охоты богатыря Найтал Мэргэна. Завязкой также служит решение о женитьбе. Интересно, что сказитель награждает героинь теми же именами, как и в «Тохонойн Ганса Толэн», но в «Найтал Мэргэне» суженая Алтан Ногон является дочерью Хан Сохора, а в «Тохонойн...» Алтан Ногон — жена хана с этим же именем. Развитие действия идёт по образцу классических улигеров с сюжетами о борьбе богатыря с чудовищами, именуемыми в улигере *саган гахай* (букв. «белая свинья»), по сути, это те же мангадхай. В этом улигере богатырю приходится биться с 75, 95 и 105-головыми *саган гахаями*, то есть следует возрастающая градация в обрисовке этих персонажей, подчёркивающая их мощь. Несмотря на их могущество, богатырю удаётся победить чудовищ. Кульминацией является битва с их прародительницей двухголовой женщиной. Развязка — после уничтожения своих противников богатырь возвращается со всем их добром (стада, табуны) к своему тестю, поровну делит на три доли добытое богатство: себе, хану и брату жены Харасгай Мэргэну, который становится его побратимом. Концовка — благополучное возвращение богатыря с женой домой и последующая счастливая жизнь.

Тема третьего сказания «*Арбан табан наһандаа утэлһэн Гургалдай*» («В пятнадцать лет состарившийся Гургалдай», 2651 стих. стк.) [ЦВРК, ф. 23, оп. 1, д. 31] несколько необычная и редкая для эпоса — это тема поиска украденного коня и далее традиционная борьба со зловредными ханами. Конь как один из центральных образов является в героических сказаниях всех тюрко-монгольских народов популярным и широко распространённым персонажем. Он выполняет функции помощника, советчика главного героя, выступает верным другом во всех его богатырских подвигах.

Образу коня в фольклоре посвящено множество исследований, и среди них фундаментальная работа Р. С. Липец «Образы батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе» исчерпывающе отвечает на многие вопросы, связанные с местом коня в жизни кочевника, уходом за ним, генезисом образа, его отражением в эпосе [Липец, 1984].

Улигер «Пятнадцатилетний Гургалдай» — повествование о двух поколениях богатырей: отца и сына¹ — и, следовательно, включает два сюжетных плана. В экспозиции первого сюжета о богатырских подвигах самого Гургалдая давность событий сообщается в тех же двух строках, что и в предыдущих улигерах, но более подробно повествуется о двух конях Гургалдая. Один из них предназначен для дальних походов, другой — боевой, для сражений. Из них хан соседнего ханства уводит боевого коня. Завязкой является момент, когда вследствие подстрекательства жены у богатыря созревает решение вернуть своего коня. Развитие действия — сборы в дорогу, богатырская поездка, описание многократного оборотничества героя в медведя, коршуна, дрофу, зайца, встреча со своим обидчиком Ханом Сохором, описание их битвы, победа над ним, погоня вражеской стрелы за Гургалдаем, совет коня бросить сначала напильник, через некоторое время ножницы, которые превращаются то в гору, то в сопку, становящиеся преградой для вражеской стрелы. Кульминация — богатырь своей стрелой уничтожает стрелу противника. Развязка — возвращение богатыря к останкам своего противника, его достойное погребение, нахождение своего коня и возвращение домой. В этой части повествования обращают на себя внимание происходящие с героем метаморфозы, превращения его в разных животных и птиц, действия волшебных предметов, которые усиливают сказочный характер сказания. Очевидно, что развлекательная функция улигера усилена, что заметно в сказаниях на стадии разложения эпоса.

Во втором сюжетном действии завязкой является сообщение, что у богатыря Гургалдая родился сын. Развитие действия — богатырь находит трёх лам, те закаляют малыша и его коня путём сожжения на большом костре, затем ламы оживляют их, нарекают именем Хурин Тайша, и он, и его конь становятся непобедимыми. Появление образов лам в героическом эпосе говорит об относительно позднем напластовании, которое могло произойти с проникновением ламаизма на территорию Прибайкалья.

Хурин Тайша нарушает запрет отца не подниматься на гору, находит кости погибшего богатыря, оживляет его, узнаёт от него, что есть могучий силач Бухэ Бугдур, который его и погубил. Поиски этого силача, богатырская битва с ним. Кульминация — победа над силачом. Развязка — почётное погребение своего противника. Концовка — благополучное

¹ Классификацию тувинских сказаний по поколениям богатырей провела С. М. Орус-оол, выделив сказания с героем одного поколения, с богатырями двух поколений — отец и сын, с тремя поколениями богатырей — дед, сын, внук [Орус-оол, 2001].

возвращение домой с женой, дочерью этого силача, со всем его богатством. Второй сюжетный план не совсем органично связан с первым сюжетом. Так, образы лам, их действия, дальнейшие подвиги сына-богатыря похожи на контаминацию с мотивами некоего сказочного повествования и не свойственны героическому эпосу.

Бурятский фольклорист М. И. Тулохонов писал: «Сюжетную основу улигеров составляют две ведущие темы: 1) борьба богатыря с чудовищами и врагами; 2) сватовство и женитьба героя и связанные с ними богатырская поездка и испытания женихов» [Бурятский героический ..., 1991, с. 19]. К этому надо добавить, что в более поздних улигерах появляется тема семейно-родственных отношений с зачатками борьбы за власть. Это подтверждает следующий улигер в записи М. П. Хомонова «*Нарин хузуун Гулдэмэй*» («Тонкошей Гулдэмэй», 2775 стих. стк.) [ЦВРК, ф. 23, оп. 1, д. 33]. Сказание также повествует о двух поколениях главных героев: о самом богатыре Гулдэмэе и затем о двух его сыновьях. В экспозиции сказания так же, как и в предыдущих улигерах, в двух строках сообщается время, когда жил богатырь Гулдэмэй. То есть описания первотворения нет. Далее более подробно рассказывается о его дяде и правящем хане Эжэн Богдо. 1-ый сюжетный план — завязкой является донос дяди хану о том, что его племянник собирается отобрать у него власть. Развитие действия — по наущению своей жены, чтобы навсегда избавиться от богатыря, хан посылает его с войной к грозному хану. Богатырская езда. Победа богатыря над злобными стражниками хана в отсутствие хана. По настоянию дяди богатырь пленяет прекрасную дочь Тухэрон хана для сына дяди. Хан устраивает погоню за богатырём. Картины богатырской битвы богатыря с ханом. Победа над ним. Необычным здесь является сожаление богатыря, что ему пришлось убить, по сути, неповинного человека. Возвращение богатыря домой. Намерения хана Эжэн Богдо известить богатыря остаются, и тут свою помощь предлагает злобная и коварная мангадхайка, обманным путём связавшая богатыря своими волосами. Кульминация — связанного и придавленного огромным камнем богатыря добывает его дядя. Развитие действия — дядя отправляется к семье богатыря, не находит его сыновей, расправляется с жёнами Гулдэмэя и превращает их в пастушек своих стад. 2-ой сюжетный план — следует повествование о малышах-сыновьях, которых их матери спрятали в глухом лесу. Старик-охотник находит умирающих малышей под деревом, выхаживает их. Завязка — повзрослевшие ребята нарушают запрет старика не подниматься на гору. Развитие действия — они обнаруживают под горой море, из которого выходит чудовище, проглатывающее по сто человек разом.

Ребята-богатыри расправляются с ним. От своего небесного покровителя получают богатырское снаряжение и коня, отправляются в богатырскую поездку, находят останки своего отца, оживляют его. Кульминация — сыновья читают Книгу судьбы, узнают из неё всю богатырскую историю отца. Втроём отправляются искать жён и матерей, находят их, исцеляют им руки, ноги, глаза. Развязка действия — расправа богатыря Гулдэмэя со своими врагами: ханом Эжэн Богдо, дядей-предателем, мангадхайкой. Описание в этой части улигера как бы закольцовывает оба сюжетных плана, объединяя в один сюжет о богатырской биографии главного героя. То есть второй сюжет о сыновьях богатыря подчинён основной идее о том, что главный герой должен победить зло и выйти победителем из борьбы с ним.

Таким образом, как показывает анализ сюжетов сказаний Б. Барнакова, они тематически разные, с законченными сюжетными действиями, с логически увязанными эпизодами без провалов. Это говорит о том, что, несмотря на отсутствие сказывания в естественной среде, репертуар сказителя оставался полноценным и в полной мере отражающим разные стадии и уровни сюжетного развития улигеров: более ранние (героическая женитьба, борьба с мангадхаями) и поздние (борьба с ханами-захватчиками, сказочные приёмы изображения, волшебные предметы). Объём сказаний примерно в 2000 стихотворных строк, по сравнению с другими эпическими произведениями, средний. Сказительская память остаётся сохранной, хотя всё же прослеживается, что в процессе записи сказитель иногда путался с именами персонажей и последовательностью некоторых событий. Можно допустить, что путаница с именами происходила из-за того, что сказитель в своих улигерах давал персонажам одни и те же имена. С одной стороны, это свидетельствует о том, что сказания принадлежат одному улигершину, с другой — видимо, исполнитель не придавал особого значения этому обстоятельству. Хорошая сохранность улигеров Б. Барнакова свидетельствует о том, что эпическая традиция была сильной и стабильной и по инерции продолжала дозвучивать после угасания.

4. Типические места в улигерах Б. Барнакова

Интересно проследить во внутренней структуре произведений Б. Барнакова функционирование общеэпического фонда поэтико-стилевых средств, в частности, стереотипов, использованных сказителем. Дело в том, что за исполнение героического эпоса брались «избранные» для этого знатоки эпической традиции, получившие дар сказительства по наследству или избранием «свыше». Такие исполнители хорошо знали приёмы сказительства и в процессе повествования обращались к наработанному опыту.

Надо сказать, что за долгое время бытования и развития эпоса сложился определённый исполнительский ритуал, связанный с сакральностью богатырских сказаний, и стилевой комплекс, куда вошли отшлифованные поэтические выражения, обороты, устойчивые описания, которые стали клише, активно используемыми всеми сказителями, хорошо знающими приёмы и средства сюжетостроения эпоса. В момент исполнения эпоса важно было иметь готовые средства, чтобы, не запинаясь, продолжать сказывание очень длинного повествования (сказания исполнялись сутками, начиная после захода солнца и до рассвета). Для начала вспомним основополагающий вывод А. Лорда о том, что «устное произведение не создаётся для исполнения, оно создаётся в *процессе* исполнения [Лорд, 2018, с. 71]. И далее — знаменитая формульная теория М. Пэрри — А. Лорда, объясняющая: «...Каким образом устный поэт справляется с требованиями, продиктованными быстрым сложением, не прибегая к помощи письма или заучивания устойчивого текста? На помощь приходит традиция» [Лорд, 2018, с. 84], то есть «...на протяжении многих поколений были выработаны различные обороты, которые в нескольких ритмических схемах выражают понятия, наиболее часто встречающиеся в этой традиции. Это и есть формулы, о которых писал Пэрри» [Лорд, 2018, с. 84].

Как показывает «Структура указателя типических мест героического эпоса народов Сибири (алтайцев, бурят, тувинцев, хакасов, шорцев, якутов)», разработанная на основе сравнительно-сопоставительного анализа обширного материала, героические сказания построены на сцеплении логически связанных повествований-эпизодов, внутри которых несут большую функциональную нагрузку стереотипы, маркирующие собой в числе прочего и эпические мотивы [Кузьмина, 2005, с. 8—10]. По своему объёму они не равнозначны. Если сравнить между собой приведённые в названной «Структуре...» повествовательные блоки сказаний, то **I. Эпический мир** намного меньше блока **II. Эпические персонажи**. Внутри же этого блока индексы **II.A.6. Богатырское снаряжение, II.A.7. Богатырская езда, II.A.14. Борьба (сражение)**¹ относятся к героическим подвигам богатырей, и, естественно, соответствуя идее сказаний, эти описания занимают большую часть сказаний.

Интертекстуальные стереотипы. В улигерах Б. Барнакова заметно, как мы выше уже отметили, отсутствие описаний, посвящённых времени первотворения. Сказитель динамично разворачивает богатырскую «биографию» героев, давая завязку, характерную для улигеров

1 Здесь и далее индексы приводятся согласно «Указателю типических мест героического эпоса народов Сибири» [Кузьмина, 2005, с. 8—10].

о женитьбе, оформленную в следующем пословичном выражении: *Ганса хадаа хуун / Хүүн болохо ёһо үбээ, / Ганса хадаа сусал / Гал болохо ёһо үбээ* — «От одного человека / Род не пойдёт, / От одной головёшки / Огонь не запыхает» (здесь и далее перевод наш. — Е. К.) [ЦВРК, ф. 23, оп. 1, д. 32, стк. 5—8; ЦВРК, ф. 23, оп. 1, д. 36, стк. 65—68]. Надо отметить, что отточенные пословицы и поговорки с их сложившейся внутренней ритмикой легко укладываются в повествовательную ткань улигеров. Например, очень часто в бурятских улигерах, в частности у Б. Барнакова, встречается: *Хүүн хадаа болобол, / Хэрэг тээшээ хэрэгтэй / Хэрмэн хадаа болобол, / Годоли тээшээ хэрэгтэй* — «Если человек, то / Делом занимается, / Если белка, то / Под стрелу попадается [ЦВРК, ф. 23, оп. 1, д. 36, стк. 725—728], и то же с некоторой вариацией глаголов в богатырской сказке [ЦВРК, ф. 23, оп. 1, д. 37, стк. 497—500].

Следуя за логикой героических повествований, рассмотрим некоторые узловые моменты сюжета, к которым относятся эпизоды с описанием сборов богатыря в дорогу, его снаряжения, богатырской езды, получившие устойчивое поэтическое изображение. Эти описания стали «общими местами» эпоса. Так, например, описание сборов в дорогу начинается с клише: *Баруун-ханай гараараа / Дайни тонного тухөөрэбэ / Зүүн-ханай гараараа / Морин бэйин тоног...* — / «Правой своей рукой / Снаряжение для войны собирал, /левой своей рукой — / Снаряжение для коня...» [ЦВРК, ф. 23, оп. 1, д. 32, стк. 12—15], также в [ЦВРК, ф. 23, оп. 1, д. 36, стк. 84—88], [ЦВРК, ф. 23, оп. 1, д. 31, стк. 92—95] и [ЦВРК, ф. 23, оп. 1, д. 33, стк. 345—349]. Далее следует подробное описание предметов одежды и конской сбруи. Этот стереотип устойчиво повторяется в каждом улигере сказителя, являясь интертекстуальным, то есть переходящим из текста в текст, и маркирует собой весь эпизод, связанный с описанием сборов богатыря в дорогу и дальнейшей примеркой им воинской одежды и отладкой вооружения. Этот отшлифованный стереотип имеется в общеэпическом фонде, и по мере необходимости каждый сказитель охотно использует его, в их числе находится и Б. Барнаков. Следовательно, улигершин хорошо знал поэтический фонд с устоявшимися оборотами и в нужный момент применял их по ходу сказывания.

Таким же устойчивым в эпосе является следующий стереотип **II.Б.4. Подготовка коня к походу:** *Мүльхэн дээрэ уяба / Мүнэн туруу туруулаба, / Хайр дээрэ н-уяна / Хатуу туруу туруулаба* — «На льду привязал — / Серебряными копыта сделал, / На песке привязал / Твёрдыми копыта сделал» [ЦВРК, ф. 23, оп. 1, д. 32, стк. 48—51]; [ЦВРК, ф. 23, оп. 1, д. 36, стк. 121—123]; [ЦВРК, ф. 23, оп. 1, д. 31, стк. 173—176]; [ЦВРК,

ф. 23, оп. 1, д. 33, стк. 418—421]. Так поэтически обрисована картина за-
калки богатырского коня. Это описание также принадлежит общеэпиче-
скому фонду поэтико-стилевых средств бурятского эпоса, активно исполь-
зуемому сказителями.

В бурятском эпосе динамично передаётся скачка богатырского коня. Это устойчивое описание настолько отработано, что превратилось в гото-
вое клише, к которому улигершины прибегают всякий раз, когда начинают
повествование эпизодов, связанных с богатырской поездкой. Этим стерео-
типом охотно пользуется и Б. Барнаков, у которого мы заметили в трёх его
сказаниях, кроме «Найтал Мэргэна», это «общее место». **П.Б.46.:** *Түргээр*
түргээр хатарна, / Түбтөөри шэнээн дагнахай / Үдэршин газарта / На-
мнажуулан хатарна. / Ааляар ааляар хатарба, / Аягайн шэнээн дагнахай /
Хараангани газарта / Намнажалан хатарна — «Быстро-быстро бежал ры-
сью, / Дёрн размером с крышку / На расстояние дневного пути / Разбрасы-
вая, рысил. / Тихо-тихо бежал рысью, / Дёрн размером с чашку / На рас-
стояние, видимое глазу, / Разбрасывая, рысил» [ЦВРК, ф. 23, оп. 1, д. 32,
стк. 217—224]; также в улигерах [ЦВРК, ф. 23, оп. 1, д. 31, стк. 361—367;
2033—2040; ЦВРК, ф. 23, оп. 1, д. 33, стк. 525—531]. В этом фрагмен-
те образное воплощение получают бытовые народные наблюдения. Так,
гиперболизирован размер копыт коня, от которых остаётся след размером
с крышку котла. Сравнение родилось, по-видимому, под впечатлением от
большого девятиведёрного котла, которым кочевники пользовались в быту.
Выражение построено на параллелизме: крышка (котла) — чашка (пиала).
Поскольку здесь определяющую роль в ритмическом строе играет началь-
ная аллитерация, то и слова подобраны по гармонии начальных звуков:
түргээр — *түбтөөри*; *ааляар* — *аягайн*. Внутри этого стереотипа допуска-
ются вариации: копыта могут в силу аллитерации сравниваться с ладонью:
ааляар — *алиганайн*. Дёрн отбрасывается с такой силой и на такое расстоя-
ние, которое может быстро пробежать конь за весь день, если же он скачет
тихо, то дёрн летит на обозримое расстояние.

Длительность и продолжительность богатырской поездки часто в эпо-
се увязывается с описанием времени и пространства, которые преодолевает
богатырь на коне, отправляясь в дальний путь за суженой. За время пути
героя неоднократно происходит смена времён года: *Алаг шаазгайн дуунаар /*
Үбэлэй түргэн гэдэ, / Алтан гургалдайн дуунаар / Нажирай түргэн гэжэ /
Хатаруулахаар н-ошобо — «По стрёкоту пёстрой сороки / Узнавая, что на-
ступила зима, / По пению соловья / Узнавая, что наступило лето, / Бежал
рысью» [ЦВРК, ф. 23, оп. 1, д. 32, стк. 232—236]. Этим строкам предшествует
описание, в котором говорится о том, что богатырь замечает наступившее

тепло и красоту вокруг, он сдвигает назад свою бобровую шапку. В эпосе это «общее место» допускает вариации. Сказители могут называть не только сороку, соловья, но и жаворонка, дополнять картины зимы и лета описанием наступившей осенью. Например, у знаменитого улигершина П. Дмитриева так выглядит этот стереотип: *Алтан гургалдайн жэрьехэдэ / Зун болоо гэжэ / Зуни зургаг тэндэгэлбэ. / Артай хартууз малгайя / Үргэн ябажа талимба. / Энгэррууси тобишоё / Гэлэжэ ябан талимба. / Улар аман хоёрхоон / Хүлэнэ гарган талимба. / Улаан торгон нулааһаараа / Аршажа ябан талимба. / Алаг шаажайн шаханаанда / Үбэли зургаг тэмдэгэлжэ / Үндэр хөөбэй малгайя / Даран ябан талимба. / Энгэррууси захаяа / Хумин ябан талимба. / Үргэн аман хоёрхоон / Сүнхэг гарган талимба.* — «По пению соловья / о том, что лето пришло / По летним приметам замечал. / Кожаный картуз-шапку / Приподняв, скакал. / На отворотах [одежды] пуговицы / Расстегнув, скакал. / Губами и ртом / Испарину выдыхая, скакал. / Красным шёлковым платком / Вытирая, скакал. / По стрекотанию пёстрой сороки / Зимние приметы замечая, / Высокую меховую шапку / Плотно надвинув, скакал. / Отвороты с воротником / Плотно запахивая, скакал. / Подбородок и рот / Инеем покрывались, [так] скакал» [ЦВРК, ОАФ, д. 1741, с. 26]. Опорным словосочетанием в стереотипах сказителей является выражение «по пению пёстрой сороки / соловья», имплицитно передающее аналогии связи каждой птицы с конкретным временем года в сибирских условиях: сорока зимует, соловей прилетает в тёплое время года. Кроме этого, так создаётся картина длительного и тяжёлого пути богатыря, когда он, безостановочно находясь в седле, как истинный кочевник, на ходу вынужден справляться со своей одеждой в соответствии с погодой.

В эпосе тюрко-монгольских народов в силу его основной направленности на воспевание героизма центральное место занимают описания, связанные с поединками и битвой богатыря с чудовищами, с ханами-захватчиками, разными силачами, попадающимися на пути героя. Этому уделяется основное внимание сказителей, и поэтому здесь заклишированы все основные эпизоды, начиная с вызова на бой. В нашем Указателе они занимают индексы **II.A. 14—22** с подразделами, которые ещё могут быть дополнены по мере накопления материала.

Остановимся на рассмотрении типического места **II.A.14з. Равновесие сил**. Этот стереотип интересен тем, что он закреплён в эпизоде, следующем за длинным повествованием о долгой, кровавой битве героя со своим противником. Здесь уже произошли и заклинание стрел, чтобы поразить друг друга, и единоборство, и вырывание кусков мяса из тел. После этих описаний следует клише, констатирующее, что встретились равные

по мощи противники, не уступающие ничем друг другу: *Тэмээн дээшэн н-ашана, / Тэмээ тэгшэ халаба, / Морин дооши н-ашана, / Мэнхэн баралай халаба* — «На верблюда навьючить — / Равными они были, / На коня навьючить — / Одинаковыми были» [ЦВРК, ф. 23, оп. 1, д. 32, стк. 504—507; также в улигерах: ЦВРК, ф. 23, оп. 1, д. 31, стк. 680—684; ЦВРК, ф. 23, оп. 1, д. 33, стк. 1135—1138]. Это излюбленный улигершинами интертекстуальный стереотип, образная природа которого обусловлена зарисовками из повседневной жизни. Для кочевника и охотника было важно правильно и равномерно так распределить груз, чтобы в дороге не возникали нештатные ситуации и как можно дольше сохранялась сила вьючных животных. Подобно этому и выглядит в эпосе равновесие сил противников. Таким образом, тонкие наблюдения за явлениями природы, навык и опыт кочевой и охотничьей жизни помогали в создании в фольклорных произведениях ярких и запоминающихся сцен.

Ситуативные стереотипы. Наряду с тем, что Б. Барнаков активно прибегал к общеэпическому фонду, тем самым сохраняя эпическую традицию, и хорошо знал язык героического эпоса, он пользовался возможностью импровизации, на что обычно способен исполнитель, знающий изнутри поэтический строй сказаний. Об этом говорят ситуативные стереотипы, которые возникают у сказителя, исходя из сюжетного положения конкретного произведения. Например, в улигере «Найтал Мэргэн» Б. Барнаков трижды употребляет в описании поочерёдного нападения на богатыря 75, 95 и 105-головых мангадхаев стереотип, который не характерен для других сказителей: *Гэб гэб халсилна / гэмэжэн н-үүлэн татана / Халуун бүлээн хоёроор / Амилхахаар ерэбэ / Мэнэ шадар болобо* — «Как ветер, дующий порывами / Перистые облака собирающий, / То жаром, то теплом / Пыхая, / Уже близко настигал» [ЦВРК, ф. 23, оп. 1, д. 36, стк. 991—995]. Это образное описание встречается один раз в другом его улигере «Тонкошей Гулдэмэй» [ЦВРК, ф. 23, оп. 1, д. 33], когда за богатырём гонится Тухэрон Богдо хан, отец похищенной дочери. Сцен погони в других его сказаниях нет, и поэтому стереотип устойчиво был использован только там, где этого требовала схожая сюжетная ситуация.

То есть в сказаниях на одну тему сказитель зачастую прибегает к ужеработанному опыту, к одним и тем же стереотипам, и это подтверждается ещё одним примером. Так, в сказании «Тохонойн Ганса Толэн» героиня увещевает богатыря не совершать неправого поступка, не отбирать её у мужа. Она говорит: — *Уеын нүхэр байгаалии, / Узүүрэй ноохон байналии, / Ямар муухан ханаа / Ганажахан ябанаи, / Ямар муухан зориг / Зорижохон ябанаи!* — « — Одного поколения мы, / Одного возраста мы, /

Какие плохие мысли / Замыслив, приехал, / Какое плохое желание / Пожелав, приехал!» [ЦВРК, ф. 23, оп. 1, д. 32, стк. 355—360]. Это же типическое место встречается в улигере «Найтал Мэргэн», посвящённом той же теме богатырской женитьбы. Героиня, суженая богатыря, умеряет пыл героя, в запальчивости заявившего, что он готов расправиться с её отцом [ЦВРК, ф. 23, оп. 1, д. 36, стк. 493—497].

Часто в улигерах повествуется о меткости богатыря-охотника, поднявшегося на вершину горы и одной стрелой сразившего сразу двух маралов, стремительно проносящихся мимо. Он их жарит на вертеле, разом съедает и укладывается спать. У Б. Барнакова эта картина расширена введением следующего устойчивого описания: *Шүдэнэй сайа хоорондо, / Нюдэнэй шабшад хоорондо / Араһайн-ханай / Араһан тээшэн халгаагаад, / Мяхайн-ханай болохо / Мяхан тээшэн халгаагаад...* — «Зубы не успели сомкнуться / Глаза не успели моргнуть / Шкуры те / в сторону шкур отделил, / Мясо то / в сторону мяса отделил...» [ЦВРК, ф. 23, оп. 1, д. 36, стк. 189—194]. Так образно сказитель подчёркивает навыки охотника, умело разделяющего свою добычу. В других сказаниях, кроме улигера «Тохойн Ганса Толэн», где нет этого описания, в клише заметна вариация, ведущая к лаконичности. Первые две строки о зубах и глазах остаются без существенного изменения, а последние строки выглядят следующим образом: *Араһан тээшэн хаяад, / Мяхан бэйин мяхалаад...* — «В сторону шкуры отбросил, / Туши на мясо разделал...» [ЦВРК, ф. 23, оп. 1, д. 31, стк. 2083—2084].

Интересно употребление устойчивого поэтического выражения, которое встречается только в двух улигерах Б. Барнакова, по отточенности и выразительности относимого нами к эпической формуле. После повествования об утреннем раннем пробуждении богатыря следуют эти строки: *Хаан хүүни бодооноор, / Хараасгайн-унтаанаар* — «С мыслями человека-хана, / с лёгкостью [птицы] ласточки» [ЦВРК, ф. 23, оп. 1, д. 32, стк. 259—260; ЦВРК, ф. 23, оп. 1, д. 31, стк. 503—504]. В бурятском эпосе распространено описание утреннего подъёма героя, его умывания, завтрака, но именно эта эпическая формула в нашем материале пока ещё не встречалась.

Таким образом, улигеры Б. Барнакова были записаны в период угасания эпической традиции в Прибайкалье, последнем очаге активного бытования героического эпоса. Как показало изучение сюжетов и типических мест улигеров, сказитель в полной мере владел искусством сказывания и построением логической связи эпизодов из богатырской биографии персонажей эпоса. Анализ сюжетостроения этих сказаний выявляет полную сохранность в них композиционных и сюжетных элементов. Зная законы сюжетного строения героических сказаний и наработанный поэтический

фонд, улигершин пользовался импровизационными возможностями. Внутренняя структура сказаний Б. Барнакова содержит как общеэпические стереотипы, так и индивидуальные топосы, то есть сказитель активно пользовался известными поэтическими оборотами и эпизодами и включал свои собственные только ему устойчивые описания. Мы их назвали интертекстуальными и ситуативными стереотипами. Наличие последних обусловлено устной природой фольклора в целом, импровизационными способностями улигершина и, видимо, большим опытом исполнительства. Сохранность сказительской памяти и полноценного репертуара улигершина в условиях отсутствия естественной эпической среды говорит о стабильном даже по сегодняшней день характере эпической традиции, что обусловлено многими факторами, среди которых наиважнейшее значение могут иметь сакральность героического эпоса (эпос может сказывать только настоящий улигершин), династичность и профессионализм исполнителя.

Источники и принятые сокращения

1. ЦВРК — *Центр* восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН.

ЦВРК. Рукописный отдел, личный фонд М. П. Хомонова. Ф. 23. Оп. 1. Д. 31. *Арбан табан наһанда утлэлэн Гургалдай (В пятнадцать лет состарившийся Гургалдай)*. Исп. Б. Барнаков, годы жизни 1884—1966. Зап. М. П. Хомонов в г. Улан-Удэ в 1961 г. (?); 1962 г. (?) — собиратель даёт в своей справке разные годы записи.

ЦВРК. Рукописный отдел, личный фонд М. П. Хомонова. Ф. 23. Оп. 1. Д. 36. *Найтал Мэргэн*.

ЦВРК. Рукописный отдел, личный фонд М. П. Хомонова. Ф. 23. Оп. 1. Д. 33. *Нарин Хүзүүн Гүлдэмэй (Тонкошей Гүлдэмэй)*.

ЦВРК. Рукописный отдел. Ф. 36. Оп. 1. Д. 231. 193 л. *Осоодор Мэргэн* (Осодор Мэргэн). Исп. Н. Гулханов. Зап. С. П. Балдаев в 1941 г. колхоз им. ХҮП партсъезда Булусинского булука, Эхирит-Булагатского аймака.

ЦВРК. Рукописный отдел, личный фонд М. П. Хомонова. Ф. 23. Оп. 1. Д. 32. *Тохонийн Ганса Төлэн (Тохонийн Ганса Төлэн)*.

ЦВРК. Рукописный отдел, личный фонд М. П. Хомонова. Ф. 23. Оп. 1. Д. 37. *Урбөөни гурбан басаган (Три дочери Урбона)*.

ЦВРК. ОАФ. Д. 1741. 84 л. *Эрхэ Нюдэн хүбүүн* (Эрхэ Нюдэн молодец). Исп. Парамон Дмитриев. Зап. в 1953 г. Данри Хилтухин (?). Других сведений нет. Рукописный сборник «Улигеры» подготовил к печати Данри Хилтухин.

ЦВРК. Рукописный отдел, личный фонд М. П. Хомонова. Ф. 23. Оп. 1. Д. 35. *Эрхэбшэ Мэргэн хүбүүн* (Эрхэбшэ Мэргэн молодец).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бурятские волшебные сказки* / сост. Е. В. Баранникова, С. С. Бардаханова, В. Ш. Гунгаров. — Новосибирск : Наука. Сиб. издательская фирма РАН, 1993. — 341 с. — (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 5).

2. *Бурятские народные сказки : о животных. Бытовые* / сост. Е. В. Баранникова, С. С. Бардаханова, В. Ш. Гунгаров, Б.-Х. Б. Цыбикова. — Новосибирск : Наука. Сиб. издательская фирма РАН, 2000. — 304 с. — (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 20).

3. *Бурятский героический эпос «Аламжи Мэргэн молодой и его сестрица Агуй Го-хон»* / сост. М. И. Тулохонов. — Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1991. — 312 с. — (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 2).

4. *Кузьмина Е. Н. Указатель типических мест героического эпоса народов Сибири (алтайцев, бурят, тувинцев, хакасов, шорцев, якутов) : экспериментальное издание* / Е. Н. Кузьмина. — Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2005. — 1383 с.

5. *Липец Р. С. Образы батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе* / Р. С. Липец. — Москва : Наука, 1984. — 264 с.

6. *Лорд А. Б. Сказитель* / А. Б. Лорд ; [пер. с англ. и коммент. Ю. А. Клейнера, Г. А. Левинтона]. — Изд. 2-е, испр. и доп. — Санкт-Петербург : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2018. — 552 с. + 1 CD-ROM.

7. *Орус-оол С. М. Тувинские героические сказания : (текстология, поэтика, стиль)* / С. М. Орус-оол. — Москва : МАКС Пресс, 2001. — 422 с.

8. *Фольклор шорцев : в записях 1911, 1925—1930, 1959—1960, 1974, 1990—2007 годов* / сост. Л. Н. Арбачакова. — Новосибирск : Наука, 2010. — 608 с. + компакт-диск. — (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 29).

9. *Шорские героические сказания* : Кан Перген. Алтын Сырык / [сказитель П. И. Кыдыяков; записал, пер. А. И. Чудояков; музыковед. ст. Р. Б. Назаренко]. — Москва ; Новосибирск : Наука, 1998. — 463 с. — (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 17).

NARRATOR AND EPIC TRADITION: ULIGERS OF BURA BARNAKOV

© **Evgenia N. Kuzmina (2020)**, orcid.org/0000-0002-7389-7811, Doctor of Philology, professor, Chief researcher, Sector of Folklore of the Peoples of Siberia, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia), kuzmina.evgenia2010@yandex.ru.

The article is devoted to the study of the heroic tales of the Buryat-Uligers, performed by B. Barnakov. Particular attention is paid to the repertory of this storyteller. The question of the preservation of the plot structure of works and storytelling memory in the conditions of the extinction of the epic tradition, when the epic environment and regular performance have already disappeared, is considered. The results of a comparative analysis of the plots of legends and their poetics are presented in the article. The relevance and novelty of the study is due to the fact that B. Barnakov's legends have not yet entered the research field and have not become the subject of special study. In addition, the inclusion of one of the texts for publication in the series "Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East" makes a comprehensive study of the creative heritage of the uligersha relevant. The author pays special attention to stereotypes in these legends, highlighting intertextual and situational "common places". The conclusion is made that the preservation of the narrative memory and the fullness of the repertory of the uligersha in the absence of a natural epic environment indicates the inertial stability of the epic tradition, due to the sacred nature of the heroic epos.

Key words: heroic legends of Buryats; epic stories; stereotypes of the epos; storyteller B. Barnakov; Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East.

MATERIAL RESOURCES

- TsVRK — *Tsentr vostochnykh rukopisey i ksilografov Instituta mongolovedeniya, buddologii i tibetologii Sibirskogo otdeleniya RAN.*
- TsVRK. Arban taban nahanda utelhen Gurgaldai (V pyatnadsat' let sostarivshiysya Gurgaldai). (In Buryat.).
- TsVRK. Erkhe Nyuden khubuun (Erkhe Nyuden molodets). (In Buryat.).
- TsVRK. Erkhebshe Mergen khubuun (Erkhebshe Mergen molodets). (In Buryat.).
- TsVRK. Narin Khuzuun Guldemey (Tonkosheiy Guldemey). (In Buryat.).
- TsVRK. Naytal Mergen. (In Buryat.).
- TsVRK. Osodor Mergen (Osodor Mergen). (In Buryat.).
- TsVRK. Tokhonoy'n Gansa Tolen (Tokhonoy'n Gansa Tolen). (In Buryat.).
- TsVRK. Urbooni gurban basagan (Tri docheri Urbona). (In Buryat.).

REFERENCES

- Arbachakova, L. N. (ed.). (2010). *Folklor shortsev: v zapisyakh 1911, 1925—1930, 1959—1960, 1974, 1990—2007 godov.* Novosibirsk: Nauka. Pamyatniki folkloro narodov Sibiri i Dalnego Vostoka. 60/29. (In Shor., In Russ.).
- Barannikova, E. V., Bardakhanova, S. S., Gungarov, V. Sh. (eds.). (1993). *Buryatskiye volshhebnyye skazki.* Novosibirsk: Nauka. Sib. izdatelskaya firma RAN. Pamyatniki folkloro narodov Sibiri i Dalnego Vostoka. 60/5. (In Buryat., In Russ.).
- Barannikova, E. V., Bardakhanova, S. S., Gungarov, V. Sh., Tsybikova, B.-Kh. B. (eds.). (2000). *Buryatskiye narodnyye skazki: o zhyvotnykh. Bytovyye.* Novosibirsk: Nauka. Sib. izdatelskaya firma RAN. Pamyatniki folkloro narodov Sibiri i Dalnego Vostoka. 60/20. (In Buryat., In Russ.).
- Chudoyakov, A. I., Nazarenko, R. B. (eds.). (1998). *Shorskiye geroicheskiye skazaniya: Kan Pergen. Altyn Syryk.* Moskva; Novosibirsk: Nauka. Pamyatniki folkloro narodov Sibiri i Dalnego Vostoka. 60/17. (In Russ.).
- Kuz'mina, E. N. (2005). *Ukazatel tipicheskikh mest geroicheskogo eposa narodov Sibiri (altaytsev, buryat, tuvintsev, khakasov, shortsev, yakutov): eksperim. izdanie.* Novosibirsk: Izd-vo SO RAN. (In Russ.).
- Lipets, R. S. (1984). *Obrazy batyra i ego konya v tyurko-mongolskom epose.* Moskva: Nauka. (In Russ.).
- Lord, A. B. (2018). *Skazitel.* (2nd ed.). Sankt-Peterburg: Izd-vo Evropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge. (In Russ.).
- Orus-ool, S. M. (2001). *Tuvinskiye geroicheskiye skazaniya: (tekstologiya, poetika, stil).* Moskva: MAKS Press. (In Russ.).
- Tulokhonov, M. I. (ed.). (1991). *Buryatskiy geroicheskyy epos «Alanzhi Mergen molodoy i ego sestritsa Aguy Gokhon».* Novosibirsk: Nauka. Sib. otd-nie. Pamyatniki folkloro narodov Sibiri i Dalnego Vostoka. 60/2. (In Russ.).